Н 42
61

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Б. В. АНАНЬИЧ (Россия) – сопредседатель Совета
М. ЭМАР (Франция) – сопредседатель Совета
А. БЕРЕЛОВИЧ (Франция)
Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ (Россия)
Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН (Россия)
П. ГАТРЕЛЛ (Великобритания)
А. П. ДЕРЕВЯНКО (Россия)
Н. А. МАКАРОВ (Россия)
Р. М. МУНЧАЕВ (Россия)
Е. И. ПИВОВАР (Россия)
У. РОЗЕНБЕРГ (США)
Р. Б. РЫБАКОВ (Россия)
А. Н. САХАРОВ (Россия)
Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ (Россия)
В. А. ТИШКОВ (Россия)
Р. ТОРСТЕНДАЛЬ (Швеция)
А. А. ФУРСЕНКО (Россия)
Л. ХЕЙМСОН (США)
М. ХИЛЬДЕРМАЙЕР (Германия)
А. О. ЧУБАРЬЯН (Россия)
Ю. ШЕРРЕР (Франция)
В. Л. ЯНИН (Россия)

Исторические Записки

11 (129)

Ответственный редактор
академик Б. В. АНАНЬИЧ

МОСКВА НАУКА 2008

[7] См.: *Алексеев С.И.* Аннотация результатов проведенных археологических и судебных медицинских исследований по идентификации останков Ивана Сусанина; См. также: Резолюции всероссийской конф. «Смутное время в контексте становления российской государственности и личность Ивана Сусанина: мифы и реальность» (Кострома, 15 марта 2006 г.).

[8] *Зонтиков Н.А.* Указ. соч. С. 70–82.

[9] См. примеч. 6.

[10] См.: *Новиков А.В.* Отчеты о работах в 2002–2004 гг. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. № 23084, 24880, 24881, 24882.

[11] Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Ед. хр. 23084. С. 18.

[12] Там же. С. 71.

[13] Там же. С. 4 (верхн. абз.).

[14] Приложение к постановлению губернатора Костромской области В.А. Шершунова от 4 марта 2005 г. № 100.

Федеральное государственное учреждение культуры "Государственная публичная историческая библиотека России" № 20 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ 20–50-х ГОДОВ XX ВЕКА

А.А. Фурсенко, В.Ю. Афиани
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВЕЛИКОБРИТАНИЯ В 1950-е ГОДЫ 5

Ютта Шеррер
«ДОГНАТЬ И ПЕРЕГНАТЬ». АМЕРИКАНСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В РУССКО-СОВЕТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 1920-х – НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ 21

В.А. Офицеров
О ФОРМИРОВАНИИ СОСТАВА НОВЫХ УПРАВЛЕНЦЕВ РОССИИ К НАЧАЛУ НЭПА. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ ПЕРЕПИСИ ЧЛЕНОВ РКП(б) 1922 ГОДА) 43

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

А.Г. Мельник
СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ РОСТОВСКИХ СВЯТЫХ В XII–XVII ВЕКАХ 75

Б.Н. Флоря
ЛЬВОВСКОЕ ПОСОЛЬСТВО А.Л. ОРДИНА-НАЩОКИНА 94

А.И. Сапожников
ДОНСКИЕ КАЗАКИ В РУССКОЙ АРМИИ В 1812 ГОДУ 114

А.В. Ремнев, Н.Г. Суворова
«ОБРУСЕНИЕ» АЗИАТСКИХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОПТИМИЗМ И ПЕССИМИЗМ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ 132

А.И. Миллер
«ТРИАДА» ГРАФА С.С. УВАРОВА И НАЦИОНАЛИЗМ 180

А.В. Лихоманов
ПРАВИТЕЛЬСТВО С.Ю. ВИТТЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВОБОДЫ ПРЕССЫ В 1905 ГОДУ 199

А.Ю. Бендин
РЕЛИГИОЗНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ УКАЗА О ВЕРОТЕРПИМОСТИ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 г. В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 218

ные занимались на ускоренных курсах при ЦИТ или сами учились на месте работы. ЦИТ, который играл особую роль в обучении безработных и строительных рабочих (которые по большей части происходили из крестьян, впервые приехавших в город), проводил эту работу по договору с Наркоматом труда и создал для этого особую организацию под названием «Установка», которая оказалась очень рентабельной — за счет ее доходов главным образом финансировались исследования института. В 1931 г. «Установка» имела 1700 учебных пунктов в строительной индустрии. Согласно отчету Наркомата труда за годы первой пятилетки 750 тыс. рабочих были обучены по методам ЦИТ. См.: *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility... P. 200.

[97] О роли ЦИТ и Гастева в стахановском движении см.: *Гастев А.К.* Организация труда в стахановском движении. М., Л., 1936.

[98] *Bailes K.E.* The American Connection. P. 437.

[99] *Kotkin S.* Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley; Los Angeles, 1995. Одной из немногих специальных работ, в которых сравнивается тэйлоризм Гастева и стахановство, является кн.: *Siegelbaum L.H.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941. Cambridge; N.Y., 1988. Автор пишет, что хотя Гастев с энтузиазмом отзывался о стахановском движении, однако последнее означало, хотя бы «на уровне риторики», официальный отказ от «техницистической окрашенной утопии».

[100] *Берг А.И.* Ленин и научная организация труда // Правда. 1962. 24 окт.

[101] Ср. *первую попытку исследования в этом направлении*: Technology and Communist Culture. The Socio-Cultural Impact of Technology under Socialism / Ed. F.J. Fleron. N.Y., L., 1977.

[102] *Lieberstein S.* Technology, Work, and Society in the USSR: the N.O.T. Movement // Technology and Culture. 1975. Vol. 16/1. P. 52–53 (цит. по: *Stites R.* Revolutionary Dreams. P. 152). О проблемах подготовки инженеров см.: *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility...

Пер. с нем. Б.С. Кагановича

В.А. Офицеров

О ФОРМИРОВАНИИ СОСТАВА НОВЫХ УПРАВЛЕНЦЕВ РОССИИ К НАЧАЛУ НЭПА

(По материалам Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 года)

В марте 1922 года Москва была взбудоражена известием о самоубийстве заведующего службой Московского водопровода, инженера В.В. Ольденборгера. В печати началась шумная компания, после того как от группы членов Моссовета на имя Ленина и Каменева было направлено заявление по поводу этого события.

Газета «Правда» от 9 марта сообщала, что этот инженер еще в 1917 г. пришел в Военно-революционный комитет и заявил, что он не является единомышленником или сторонником большевиков, но как старый работник московского водопровода хочет и в дальнейшем отдавать этому делу все свои силы. Все рабочие этой службы во время следствия заявляли, что ни о каком саботаже или невнимательности к делу со стороны Ольденборгера не могло быть и речи. Между тем против него была предпринята компания травли со стороны представителей коммунистической ячейки, руководителей союза коммунальных работников и служащих РКИ с целью выдвижения на его место своего человека. Травля инженера выражалась в распространении ложных слухов, в обвинении его в техническом расстройстве работы водопровода, в плохом отношении к служащим и к комячейке. Применялся весь набор средств «подсиживания» человека вплоть до выражения удивления, что он «до сих пор не расстрелян», которые и довели инженера до решимости покончить с собой.

«Правда» призывала членов партии большевиков умерить пыл по отношению к специалистам, напоминая им официальную программную установку: «...ставить буржуазных специалистов в обстановку товарищеского общего труда, рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами».

Трагедия инженера Ольденборгера как в капле воды отразила проводимую тогда политику новой власти к оставшимся от прежнего режима «спецам», а также психологический климат вокруг этих людей, особенно тех, кто выполнял руководящие функции, процесс вытеснения «бывших» новыми управляющими России.

Казалось бы, зачем людям нового века знать давно уже забытую историю неизвестного инженера, разбираться в механизме

формирования новой управляющей элиты общества того времени? Новая эпоха, как всегда в российской истории, вынесла суровый вердикт эпохе ушедшей, представляющейся новым поколениям в виде далекого и ненужного прошлого.

Вместе с тем, второй революционный излом России, произошедший в наше время, в конце XX в., подтвердил подмеченную еще В.О. Ключевским специфику российской истории, которая имеет свойство повторяться. История инженера Ольденборгера неожиданно стала современной для огромной армии специалистов советских учреждений, организаций и предприятий, оказавшихся не у дел в результате политических и экономических потрясений. Ученые, педагоги, врачи, инженеры, мастера, архивисты и другие профессионалы своего дела также в полной мере ощутили психологический дискомфорт в мире «деловых людей» и новых управленцев России.

Эта история показательна, так как условия жизни и работы, положение и самоощущение специалистов в обществе, степень их участия в управлении делами государства, являются индикатором здоровья общества, реальных намерений государства. Специалисты во всех сферах жизни и деятельности общества представляют собой ядро, основу его профессиональных и интеллектуальных сил. Успех развития государства в немалой мере зависит от его отношения к этим силам.

Представляется, что критерием ответов на мучительные вопросы о различных путях развития России в начале XX в. является определение как коренных национальных интересов в тот или иной период времени, так и способности властных структур к пониманию этих интересов и к действиям, направленным на их реализацию. Эта способность во многом зависит от уровня коллективного интеллекта и здравого смысла «партии власти», от того, как она организует использование собственных возможностей и интеллектуального потенциала нации для достижения поставленных целей.

Для познания исторического опыта предшествующих поколений большое значение имеют массовые статистические источники, которые расширяют исследовательские возможности. Среди таковых можно назвать и Всероссийскую перепись членов РКП(б), которая проводилась в 1922 г., т.е. в том самом, когда произошла личностная трагедия инженера Ольденборгера, и вне сомнения среди респондентов этой переписи имелись те, кто прямо или косвенно поучаствовал в данной трагедии.

Материалы переписи позволяют дать дополнительную информацию исследователям как для «человеческого» измерения событий послереволюционной эпохи, видимых и невидимых процессов, происходивших в правящей тогда партии, в рядах которой в основном формировался новый управляющий слой Советской России, так и для воссоздания коллективного портрета людей, которые в то время уже реально определяли дальнейшую историю

страны. От ума и компетентности, жизненного опыта и здравого смысла, от культуры и порядочности этих людей во многом зависели судьбы миллионов.

На информационные возможности переписи 1922 г. для политиков того времени и грядущих историков обращал внимание автор и разработчик переписи С.Г. Струмилин. В пяти выпусках «Статистического сборника»[1] он подвел основные, хотя и далеко не исчерпывающие итоги этой переписи и выражал надежду, что читатель найдет в них «немало здоровой пищи для весьма поучительных наблюдений и обобщений». Информационную ценность ее подчеркивает тот факт, что больше ни одна перепись правящей партии не проводилась по столь обширной программе. Она проходила по четырем бланкам, среди которых выделяется бланк «А», заполнявшийся регистраторами при опросе респондентов. Этот бланк включал в себя 59 вопросов, многие из которых требовали нескольких ответов, достигающих при массовой обработке данных более 180 позиций полезной информации. Уникальность переписи выражалась и в том, что для выявления более объективной информации, респонденту в некоторых случаях приходилось отвечать на несколько вопросов по одной теме. Например, для определения национальности опрашиваемый лишался возможности сам обозначить таковую по отношению к себе, а вынужден был отвечать о своем национальном происхождении по линии деда, отца и матери. Нередко это ставило респондентов в затруднительное положение. Так, находившийся в подмосковном Костино Ленин собственноручно заполнил анкету, но оставил графы о национальности родителей незаполненными[2], хотя в анкетах других переписей он писал о себе как о великороссе или русском.

Уникальность этого источника (как ни парадоксально звучит) подтверждается еще и тем, что перепись вызвала отрицательное отношение к себе со стороны немалого числа партийных функционеров. Причем гнев порождался безобидными, на первый взгляд лишними и ненужными для дела анкетными вопросами, которые вынуждали респондентов делиться личностной информацией, выносить на свет свое прошлое. Приходилось отвечать на вопросы о социальном происхождении, о занятиях не только родителей, но и деда, о количестве работников и иждивенцев в семье на момент опроса, о зарплате и пайковом довольствии, о чтении книг и периодической печати, о вере в Бога и т.д.

Как отмечали регистраторы, среди тех, кто служил в армии в Гражданскую, неудовольствие вызывали вопросы о количестве случаев участия в перестрелках, рукопашных боях. Профессиональных революционеров раздражала необходимость вспоминать число личных участий в экономических и политических стачках, в демонстрациях и студенческих движениях, в подпольных кружках и массовках, в вооруженных восстаниях и т.д. Скажем, Зиновьев, Каменев, Троцкий и другие отказались заполнять информацию о своем революционном стаже. Один из старых партийцев,

Ю.Х. Лутовинов, имевший образование на уровне двух лет начальной школы и работавший во время переписи в торгпредстве РСФСР в Берлине, написал в анкете: «По моему мнению Ваша анкета блестящий образец того, как не нужно составлять анкеты и в другой раз не беритесь не за свое дело... Нужно помнить, что терпение членов партии имеет ограниченный предел. Издеваться над ними до бесчуствия, — безнаказанно нельзя... Участвовал как в экономических, также политических стачках. Десятки раз был руководителем таковых, но ответить на вопрос сколько раз всего принимал участие не могу. Такие вопросы могут задавать только лица, совсем не имеющие никакого понятия о стачках»[3]. Опытный подпольщик, наверное, имел все основания для праведного гнева. Исследователь также не поставит перед собой задачу подсчета количественных показателей, например, участия в демонстрациях при массовой обработке этих материалов, учитывая их субъективный характер, хотя и не исключая того, что на уровне индивидуального изучения анкет такого рода сведения могут представлять собой известный интерес. При работе с массовыми материалами важнее знать сам факт участия респондентов в тех или иных событиях, чтобы проследить, к примеру, влияние «революционного» фактора на карьеру людей после революции.

Факторы партийного стажа, участия в революционном движении после 17-го года для многих играли важную, а в чем-то и определяющую роль в судьбе и служебной карьере. Известны курьезные случаи во время проведения переписи. Некто Терехова З.Н., 32-х лет, дочь средних банковских чиновников, ставшая кандидатом в члены РКП(б) в начале 1922 г., во время заполнения регистратором анкеты, старательно вспоминала свое активное участие в стачках, подпольных кружках, массовках и прочих революционных действиях. На вопрос о тюремном стаже, что требовало более точных сведений, она искренне ответила: «Не имею, к сожалению»[4].

Выразил свое недовольство и сам В.И. Ленин. 14 февраля 1922 г. в письме секретарю ЦК РКП(б) В.М. Молотову он сообщал: «Написав анкету или листок последней переписи членов РКП, я пришел к твердому убеждению, что дело статистики в ЦК (а, вероятно, и все учетно-распределительное дело) поставлено никуда не годно»[5]. Как явствует из письма, Ленина возмутило скорее не содержание анкеты, а отсутствие практических результатов от такого рода обследований, стремящихся к массовому охвату, вследствие чего обработка материалов надолго затягивалась и данные теряли свою практическую ценность. Отметим, что обработка материалов по многим блокам информации переписи, действительно, так и не была завершена. Хотя первые данные переписи были опубликованы в «Правде» (№ 97, 99) в 1922 г., более полные, но далеко не окончательные результаты ее вышли в свет только через два года, и у нас нет сведений о том, что кто-либо из политиков проявил к ним интерес.

Вместе с тем, исследователи отечественной истории не могут не испытывать благодарность авторам переписи 1922 г. за широкую программу ее проведения. Современные технологии открывают новые возможности в использовании ее богатого информационного потенциала, позволяют получать не только имеющуюся, но и скрытую информацию этого источника при изучении проблемных тем, критических точек нашей истории. Поэтому создание банка компьютерной информации переписи наряду с другими массовыми источниками является актуальной задачей исследователей, решение которой подразумевает создание общей методики обработки таких источников с целью создания единой базы данных на их основе.

Автором этих строк, в рамках подготовки исследования о служащих Москвы в первые годы нэпа, была произведена обработка анкет партийной переписи 1922 г., хранящихся в фондах РГАСПИ. В ходе фронтального осмотра фонда архива, включающего первичные материалы переписи, было установлено, что из более чем 400 тыс. обследованных по России большевиков сохранилась четвертая часть заполненных анкет бланка «А». По Москве доля сохранившихся в архиве первичных документов еще меньше. Данные Струмилина, несмотря на некоторую их противоречивость, показывают, что в столице в период проведения переписи 1922 г. насчитывалось 27 912 большевиков[6]. Во время обследования были выявлены заполненные бланки «А» на 3485 московских большевиков[7], т.е. сохранились 12,5% первичных документов от всей генеральной совокупности. Данные «Статистического сборника» говорят о том, что среди членов партии большевиков, находившихся в столице, служащие (за исключением военнослужащих) составляли 43,8%, или 12 228 человек в абсолютном исчислении[8]. Удельный вес служащих-большевиков Москвы среди сохранившихся в РГАСПИ материалов составляет 35%, или 1230 человек, что послужило основанием для предположения в пользу их представительности.

В ходе работы над сохранившимися анкетами московских служащих, часть из них была отсеяна в связи с их недостаточной информативностью. Были приняты для обработки 1147 бланков, которые дают почти десятипроцентную (точнее 9,4%) естественную выборку от генеральной совокупности материалов (12,2 тыс. человек) по московским служащим — членам партии большевиков. Весьма трудно установить причины утраты архивных документов. Вместе с тем имеются веские основания говорить об отсутствии ясно выраженной логики действий, приведших к этой утрате. Сохранились бланки, заполненные как на рядовых, так и на руководящих работников, около одной трети из которых составила так называемая ленинская «партийная гвардия», в большинстве своем репрессированная в последующие годы. Среди них можно встретить анкеты тех, кто вошел в поле зрения ленинского политического завещания в качестве его преемников: Бухарин Н.И., Зи-

новьев Г.Е., Каменев Л.Б., Пятаков Г.Л., Троцкий Л.Д. Таким образом, вполне резонно утверждать, что история хранения этих материалов «произвела» их случайную, достаточно репрезентативную выборку, которая может служить основой для исследований и обоснованных выводов.

В пользу отсутствия системы при утрате материалов и подтверждения вывода о представительности сохранившихся говорят некоторые итоговые данные по московским большевикам, имеющиеся в упомянутом выше «Статистическом сборнике», которые позволяют производить сопоставления с выборочными данными. Для такого рода сопоставлений наибольшей точностью обладают количественные характеристики, среди которых выделяется параметр возраста респондентов.

Гистограмма, построенная на данных генеральной совокупности о служащих Москвы и ответственных политических руководителях[9] и естественной выборки по этой социальной группе среди московских большевиков, дает принципиально сходные показатели. Разница в них среди молодежи до 24 лет составила лишь 2% (19,2% по выборке и 21,2% по всей совокупности материалов), в средней группе — почти 4% (46,2 и 50,1), наконец, по расширенной группировке служащих после 35 лет — 6% (34,6 и 28,7) (см. табл. 1).

Таблица 1

Возраст служащих по выборке и генеральной совокупности

Математические расчеты показывают при этом, что средний возраст респондентов по выборочным данным составил 33,1 года, а по всей совокупности — 32,0 (разница в 1,1 года). Выборочная средняя величина не только входит в нормы отклонений от генеральной средней (расчетная норма отклонения составила 2,5 года), но и обеспечивает надежность выборочных данных с точностью в 1,1 года. По данным Струмилина, среди московских служащих-большевиков насчитывалось 19% женщин, доля выборки составила 14%. Это расхождение практически не может внести существенных корректив при проведении аналитических исследований.

О представительности естественной выборки по служащим столицы, говорят и некоторые показатели качественного характера. К примеру, удельный вес ответственных работников среди всех служащих-большевиков, по данным Струмилина[10], составлял

37%[11], по данным выборки — 34%. По социальному составу достаточно точными по критериям определения являются данные по рабочим и крестьянам. Материалы сборника[12] говорят о представительстве среди служащих-большевиков 1922 года бывших рабочих на уровне 44,2%. По выборочным данным (табл. 2) этот уровень составил 44,9%. По бывшим крестьянам эти показатели выглядят так: 1,7% и 2,5%[13].

Содержательный анализ сохранившихся в архиве материалов с известными оговорками показывает, что данные выборки позволяют с достаточно высокой точностью вести аналитическую работу, определять тенденции, происходившие в управленческом слое большевиков в первые годы после революционных событий и на момент переписи. Автор не ставил перед собой цель всестороннего анализа частично представляемых в статье результатов работы. Главная задача — обратить внимание на информационные возможности данного источника для изучения проблемных тем отечественной истории и, в частности, процесса формирования состава «новых управляющих», уровень культуры и нравственность которых определяли вектор развития страны в начале новой экономической политики, провозглашенной большевиками в 1921 г.

Процесс формирования новой управляющей элиты страны начинался в условиях огромных социальных потрясений и бесчисленных человеческих жертв и потерь, принесенных на алтарь Первой мировой и Гражданской войн. По оценкам демографов[14], мировая война унесла 1,7—2 млн человек. Прямые потери в годы Гражданской войны составили не менее 8 млн жителей России. На фронтах белые и красные потеряли 800 тыс. бойцов, причем 300 тыс. из них погибли в ходе боевых столкновений, 50 тыс. скончались от ран, а 450 тыс. — от болезней. Террориада противоборствующих сторон перемолола десятки тысяч жизней. Основные же потери были вызваны инфекционными заболеваниями, такими как испанка, тиф, дизентерия и оспа. Голод 1921 г. поставил на грань вымирания огромные массы людей.

За революционные потрясения, по мнению И.А. Бердяева, далекого от симпатий к большевикам и сосланного ими за границу в том же 1922 г., были ответственны все политические силы России[15]. Ценой этих потрясений, помимо огромного количества жертв, стала массовая эмиграция населения, которая составила более 2 млн человек[16]. Среди выезжающих насчитывалось большое количество представителей интеллигенции, специалистов различных профессий, информация о тяжелой жизни которых за границей проникала в Советскую Россию, и это явилось немаловажной причиной службы инженера Ольденборгера и ему подобных новой власти.

Гигантские цифры потерь людей и в целом интеллектуальных сил общества, свидетельствовали о том, что страна уже не могла использовать их потенциал в качественных показателях своего

развития. «Старая историческая плоть России разложилась, — писал Бердяев, — и должна была явиться новая плоть. Но это еще ничего не говорит о качестве этой новой плоти»[17]. Согласно многовековой российской традиции, после одиннадцатилетнего слабого конституционно-монархического режима и восьмимесячных игр в многопартийность и демократию теоретическое и практическое формирование прообраза «этой новой плоти» происходило после Октября 1917 г. в рамках одной политической силы — партии большевиков. Эта сила предложила такое видение общественного устройства страны, которое было отвергнуто политическими течениями в России, но так или иначе принято большинством ее населения.

Потрясавший современников успех партии большевиков в революционную эпоху основывался не только на умении в тот или иной период предложить популярную программу действий. Большое значение имели и личностные качества, железная воля и организованность так называемой «партийной гвардии». Жесткая внутрипартийная дисциплина позволяла беспрекословно концентрировать силы там, где решались кардинальные вопросы власти и управления. Умение в первые послереволюционные годы использовать для достижения своих целей интеллектуальные силы, готовые к сотрудничеству с новой властью или сохранявшие нейтралитет, позволяло большевикам решать военные, хозяйственные и иные задачи.

Когда исход Гражданской войны стал очевиден, большевики провели демографическую и профессиональную перепись населения в августе 1920 г. Она показала, что в стране проживало немногим более 130 млн человек, включая Украину, Туркестан, Киргизию, Кавказские республики и прочие окраины (население на территории современной России не превышало 78 млн человек). Предварительные данные переписи, как и данные текущей отчетности профсоюзов, показывали, что из всего населения трудоспособных насчитывалось 65 млн, из них 50 млн — крестьян, немногим более 9 млн — ремесленников, торговцев и других представителей средних городских слоев, а почти по 3 млн человек приходилось на рабочих и служащих. Причем из всего состава служащих (если экстраполировать данные по Москве на всю страну) не менее половины, или более 1,5 млн, причислялось к обслуживающему персоналу учреждений (курьеры, повара, дворники и пр.). Служащие средней квалификации, костяк которых составлял канцелярский, делопроизводственный персонал, насчитывали 40% от всего контингента служащих, примерно 1,2 млн человек. Служащих высшей квалификации и лиц интеллигентных профессий оставалось в стране не более 7% от всего состава служащих, или около 210 тыс. человек[18]. Причем надо учитывать, что процесс исхода за границу интеллектуальных сил в 1920 г. еще не был завершен.

Приведенные данные из материалов «Статистического сборника», изданного по результатам партийной переписи 1922 г., не

претендуют на абсолютную точность. Помимо прочего, они, вероятно, не учитывали безработных, среди которых, по некоторым данным[19], на 1924 г. имелось 750 тыс. бывших служащих всех квалификаций. Тем не менее на фоне миллионов жертв мировой и Гражданской войн и эмигрантов цифры красноречиво свидетельствуют о чрезвычайном дефиците в России квалифицированных, интеллектуальных работников в начале 20-х годов XX столетия. Из оставшегося «человеческого материала» «партия власти» черпала кадры, формировала состав новых управляющих страны.

К началу нэпа численность населения многих городов значительно снизилась и составляла по 95 губерниям немногим более 20 млн. Население столицы, где большевики сосредоточили лучшие свои силы, к 1921 г. сократилось вдвое, до 1 млн жителей. Москва наглядно демонстрировала печальные результаты классовых боев в стране, представляла собой жалкое зрелище с утопающими в непролазной грязи домами и улицами[20]. Условия жизни пресловутого инженера Ольденборгера и других горожан выглядели ужасно[21].

Всероссийская партийная перепись показала, что в стране после жесткой чистки своих рядов в 1921 г. из 577 тыс. осталось 408 870 большевиков (исключены 30%). Таким образом, удельный вес членов правящей партии среди всего населения России, включая детей, составлял 0,3%. В Москве этот показатель был выше: на миллион жителей приходилось 27 912 членов партии большевиков, или 2,7%. Подводя предварительные итоги переписи, Струмилин относительную малочисленность большевиков образно сравнивал с дрожжевой закваской, организующим ферментом, «значение которого на творческом пути от аморфной стихии современного мещанства к высшим формам человеческого общежития, отнюдь не определяется арифметическим его весом»[22]. Ленин на XI съезде в 1922 г. отмечал: «В народной массе мы все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает»[23]. Речь шла тогда о новой экономической политике, которая создавала условия для вывода страны из политического кризиса и экономического коллапса.

В условиях относительной малочисленности своего состава, большевики концентрировали кадры на тех направлениях, которые позволяли им удерживать власть. Так, в годы войны значительные силы были брошены на фронт в Красную армию. Среди московских большевиков, прошедших перепись в 1922 г. (т.е. выживших в годы войны), 57,3% (14 598 человек) проходили военную службу или отвлекались на военную работу[24]. По данным авторского выборочного обследования, 45% служащих-большевиков Москвы участвовали в военных действиях, служили в армии. Бывали времена, когда даже в некоторых центральных управленческих учреждениях объединялись отделы, мужской труд заменялся женским, оставались лишь некоторые ответственные руководители, а отбывшие на фронт замещались беспартийными[25]. В июле 1919 г., когда развернулось наступление Деникина, Ленин требо-

вал идти на риск оставления учреждений без единого коммуниста, «сдавать их на руки работников исключительно буржуазных»[26]. Отметим, что после войны и демобилизации почти четвертая доля большевистских сил (24%, т.е. на уровне 100 тыс. членов партии) к началу 1922 г. оставалась в армии[27]. Именно из этих партийцев формировалась новая военная элита страны, в значительной своей части уничтоженная перед Второй мировой войной.

Поразительно, но партийная перепись 1922 г. выявила тот факт, что провозглашавшие себя авангардом пролетариата большевики на треть (точнее 30%) состояли из жителей села и деревни, несмотря на то что в предшествующем году партийная чистка вывела из их состава почти каждого второго сельского жителя[28].

Немалый рост удельного веса крестьян среди большевиков явился результатом массовой демобилизации армии, которая по преимуществу состояла из крестьян. Вместе с тем партперепись показала, что среди всех членов партии на селе земледельцев насчитывалось 62%, остальные являлись пришельцами из города, бывшими рабочими. По мнению Струмилина, с 1918 г. происходил «великий исход пролетариата из египетского плена голодающих городов»[29]. Только из Петрограда под влиянием демобилизации военной промышленности и голода убыло более 300 тыс. рабочих. Выходцы из города, среди которых, видимо, было немало тех, кто пришел туда не случайно, а в качестве «миссионеров» новой власти, составили в деревне ядро и фундамент крестьянских ячеек.

Сельские представители большевиков участвовали в главном сражении периода «военного коммунизма», в битве за хлеб, которую, в отличие от битвы военной, по признанию Ленина, они проиграли. В годы войны, несмотря на репрессии, производимые заградительными отрядами, армия мешочников везла на крышах поездов, в пассажирских вагонах, тащила по проселочным и лесным дорогам в Москву и другие города около 60% хлеба, в то время как 40% приходилось на долю Наркомпрода. С введением продналога, эта бессмысленная с точки зрения здравого смысла война закончилась[30].

После окончания военных действий главное внимание большевиков сосредоточилось на организации системы управления страной, в которой большое значение играли кадры, способные грамотно выполнять директивы органов власти. От решения вопросов организации управления страной зависела уже не только власть большевиков, но и способность этой власти вывести страну из тяжелого социально-экономического кризиса. Если в начале 1918 г. Ленин уверенно заявлял, что «партия большевиков должна теперь Россией управлять», то через три года разговор уже шел о том, что «мы должны научиться Россией управлять»[31]. Не только рядовые члены партии, но и многие близкие соратники тогда не понимали Ленина. Его призыв к большевикам «научиться торговать» вызывал недоумение тех, кто победил благодаря жестким, командным методам руководства в годы войны и готов был тем же «красногвардейским» натиском построить социализм.

Новая экономическая политика требовала иных подходов к управлению страной, других человеческих качеств. Преданность идее, верность вождям, готовность к самопожертвованию должны были потесниться компетентностью, знаниями, профессионализмом, которых имелось чрезвычайно мало. Далеко не случайным является факт проведения грандиозной чистки партийных рядов в 1921 г., которая свидетельствовала об ужесточении требований к качественному составу правящей партии. После X съезда на восемь месяцев большевики прекратили прием в партию, провели жесткую чистку своих рядов, в результате которой практически каждый третий ее член лишился партийного билета. Из рабочих этот показатель составил 17%, из служащих — 33%, «прочих» — 38%, крестьян — 42%[32].

Результат чистки, как показывает партийная перепись 1922 г., был следующим: по всей России лишь 17,6% от всего состава РКП(б) были рабочими-большевиками, трудившимися непосредственно на производстве и транспорте, 30% — сельскими партийцами, 23,8% — военными, 19% — служащими советских учреждений, 9,6% — служащими партийных, профсоюзных, кооперативных, школьных организаций, учащимися. В августе 1922 г. партийная конференция, утвердив новую редакцию устава, ужесточила требования по приему в партию новых членов из крестьян и служащих[33].

Материалы партийной переписи показали, что на начало 1922 г. большевики, которые работали в управленческих структурах и учреждениях составляли 19% от всего их состава. Вместе с партийными, профсоюзными, школьными, кооперативными и прочими учреждениями, этот процент достигал 28,6, т.е. около 117 тыс. человек — иными словами, они представляли собой формирующийся слой новых управленцев страны. При этом в 40 губерниях Центральной России значительные силы (41%) были брошены на сохранение партией властных полномочий[34]. В системе Наркомата внутренних дел работали 18% служащих и милиционеров — членов партий, обеспечивающих правопорядок в стране, в ГПУ (ВЧК) — 9% и 14% (почти 6 тыс. человек) — в исполнительных комитетах Советской власти.

Вместе с тем наметился явный разворот большевиков к решению созидательных задач. На момент проведения переписи они усадили за парты школ, рабфаков, курсов, в аудитории средних и высших образовательных учреждений 19%, или почти 8 тыс. своих представителей. Далее по уровню внимания партии власти находились управленческие структуры по линии Совета Народного Хозяйства (5,3%), сам партийный аппарат (4,5%), учреждения Наркомздрава (3,6%), профсоюзные организации (3,5%), кооперация (3%). На долю структур по линии прочих 12 народных комиссариатов приходилось в общей сложности 15% большевистских кадров. Цифры говорят сами за себя, нельзя также не отметить, что практически каждый десятый служащий-большевик работал на хозяйственном поприще.

Материалы переписи позволяют взглянуть на качественные характеристики состава служащих-большевиков Москвы, где по понятным причинам происходила концентрация их сил. Данные «Статистического сборника» показывают, что 37%, или 4524 из 12 228 служащих, представляющих партию, являлись ответственными политическими руководителями. Авторское обследование выборочных материалов дает возможность более детально посмотреть на распределение этого слоя большевиков[35].

Среди руководителей, принимавших решения на всех уровнях управления государством вплоть до отдельных учреждений, организаций и предприятий, удельный вес составил:

1-я группа — высшие руководители государства, партии, профсоюзов, наркомы, члены президиумов, коллегий и Советов — 7,2%;
2-я группа — начальники управлений, председатели, члены правлений и комитетов, заведующие отделами — 11,7%;
3-я группа — директоры предприятий, заведующие отдельными Заведениями, хозяйственными службами — 15, 2%.

Ответственные работники, условно названные «ответственные исполнители», вошли в следующие две группы:

4-я группа — уполномоченные, инспекторы, ответственные администраторы — 14,8%;
5-я группа — председатели и члены месткомов, ячеек партии, инструкторы — 6,7%.

Специалисты учреждений, организаций, предприятий, составили:

6-я группа — творческая интеллигенция, инженерно-технические работники, врачи — 5,3%;
7-я группа — учетно-контрольный, канцелярский, делопроизводственный персонал — 8, 5%;
8-я группа — хозяйственные и торговые служащие — 8,4%.

Удельный вес прочих служащих выглядел так:

9-я группа — обслуживающий персонал учреждений, рабочие — 5,3%;
10-я группа — чекисты и милиционеры — 17%.

Эти данные, во-первых, усиливают представление о том, что с началом нэпа большевики самое серьезное внимание уделяли хозяйственной сфере деятельности, где работали 23,6% московских служащих-большевиков (3-я и 8-я группа); во-вторых, показывают, что 44,5% служащих относились к рядовым сотрудникам учреждений, а 21,5% стояли на низшей ступени категории ответственных работников. Наконец, каждый третий (34,1%) служащий являлся руководителем, который принимал или участвовал в принятии ответственных решений. Именно эта группа в первую очередь представляла сформированный к этому времени состав новых руководителей России, так как в Москве сосредотачивались все центральные государственные партийные и прочие органы.

Какие общественные слои населения участвовали в формировании состава новых управленцев страны? Данные таблицы 3 дают нам представление об этом и подтверждают мнение разработчика переписи С. Г. Струмилина о том, что революция перетасовала все социальные группы в силу того, что «вчерашний хозяин стал нынче дворником, вчерашний рабочий нынче занимает пост наркома». Его данные обо всех московских большевиках демонстрировали, что из них 63% бывших до революции служащих и 80% рабочих переменили род своих занятий. Если экстраполировать эти цифры за пределы партии, «ибо антипролетарские группы крупной буржуазии, помещиков, черного духовенства и т.п. вовсе были сметены с лица земли, — то нашу эпоху придется характеризовать как эпоху поистине небывалых в истории социальных сдвигов геологического порядка»[36].

Напомним, что фактор социального происхождения — принадлежности к тому или иному классу, социальному слою в России — традиционно играл основополагающую роль при назначениях на должности в структурах государственной власти и управления. До Октября 1917 года в стране официально существовали пять сословий: аристократия, или дворянство; духовенство; купечество; мещанство; крестьянство. Закон не предусматривал наличие рабочего сословия. «Свод основных Государственных законов» самодержавной России от 1892 г. определял приоритет назначения чиновников в высшие, центральные учреждения из первого сословия. Власть на местах вплоть до уровня земского участкового начальника также формировалась из потомственных дворян, которые должны были обладать земельной собственностью, недвижимым имуществом, оцененным не ниже чем в 7500 рублей. Помимо учета этих условий для занятия ответственного поста предъявлялись требования к возрасту — от 25 лет, наличию высшего образования и трехлетнего опыта работы в более низких чинах[37].

Привилегированное положение дворянства, по воспоминаниям современников, вызывало желание представителей других сословий пополнить ряды этой «партии власти» монархии путем пожертвований различных коллекций музеям, Академии наук и так далее, а также на государственной службе при достижении 4-го

Таблица 2

Социальный состав служащих-большевиков Москвы. Профессия до 1917 года и род занятий в 1922 году

Род занятий в 1922 году	Профессия до 1917 года							
	Служащие	Интеллигенция	Рабочие	Средние слои города*	Крестьяне	Учащиеся	Прочие**	Всего
1. Руководители государства, партии, наркомы, члены президиумов, коллегий	3,8	57	31,6	0	0	1,3	6,3	100
2. Начальники управлений, председатели, члены правлений и комитетов, завотделами	12,4	45,7	26,4	4,7	0	4,7	6,2	100
3. Директоры предприятий, заведующие заведениями, хозяйственными службами	12	15	55,1	7,2	0	3,6	7,2	100
Итого руководители (1, 2, 3)	10,4	34,4	40,3	4,8	0	3,5	6,6	100
4. Уполномоченные, ответственные администраторы, инспекторы	20,2	17,2	42,9	3,1	1,2	3,7	11,6	100
5. Председатели и члены месткомов, партийных ячеек, инструкторы	13,5	8,1	56,8	9,5	2,7	4,1	5,5	100
Итого ответственные исполнители (4, 5)	18,1	14,3	47,3	5,1	1,7	3,8	9,7	100
Всего ответственные работники (1–5)	13,4	26,6	43	4,9	0,7	3,6	7,8	100
6. Творческая интеллигенция, инженерно-технические работники, врачи	6,9	60,3	15,5	3,4	0	10,3	3,4	100
7. Учетно-контрольный и делопроизводственный персонал	26,6	9,6	35,1	2,1	3,2	9,6	13,8	100
8. Хозяйственный и торговый персонал	12,9	2,2	48,4	17,2	4,3	3,2	11,8	100

Таблица 2 (окончание)

Род занятий в 1922 году	Профессия до 1917 года							
	Служащие	Интеллигенция	Рабочие	Средние слои города*	Крестьяне	Учащиеся	Прочие**	Всего
Итого специалисты (6, 7, 8)	16,7	18,8	35,5	8,2	2,9	7,3	10,6	100
9. Обслуживающий персонал, рабочие	15,5	2,2	41,4	20,7	6,9	5,2	8,6	100
10. Чекисты, милиционеры	7,5	3,7	64,7	7,5	7	5,3	4,3	100
Всего специалисты и персонал (6–10)	13,1	11	47,3	9,4	4,9	6,3	7,9	100
Всего служащие	13,2	19,7	44,9	6,9	2,5	4,8	7,9	100

* Частная служба, кооператоры, мелкое и среднее предпринимательство, ремесло, торговля, извозчики, повара, прочие.

** Без определенных занятий, безработные, не ответили на вопрос, прочие.

класса «табели о рангах», т.е. уровня статского советника (гражданского генерала). Вместе с тем не только первое сословие поставляло свои кадры для власти и управления страной. «Чиновничество, – писал один из представителей русского купечества П.А. Бурышкин, – было, действительно, чем-то особым, но оно управляло Россией. Однако оно отнюдь не отождествлялось ни с высшей дворянской властью, ни с придворным царским окружением. И русская история... знает примеры крупных бюрократов, приходящих к власти из разных слоев русского общества, в том числе и из купечества»[38].

Очевидно, что прогрессивные реформы 70-х годов XIX в. в области школьного и специального образования в стране приносили свои плоды в повышении грамотности и уровня знаний среди населения. Это позволило формировать не только низший, но и средний слой служащих, прежде всего специалистов системы управления и функционирования государства, представителями различных сословий. В то же время, специалистов с высшим образованием в России имелось немного, всего около 140 тыс. человек на огромную страну, если судить по переписи 1913 г., а 72% населения оставалось неграмотным[39].

Декрет ВЦИК и СНК от 11 (24) ноября 1917 г. упраза-

нил сословия, гражданские чины и установил единое для всех наименование — гражданин Российской республики, иначе говоря, равенство всех и каждого в правах. Однако Конституция РСФСР, принятая V съездом Советов в июле 1918 г., лишала избирательных прав лиц, прибегавших к наемному труду с целью извлечения прибыли, лиц, живущих на нетрудовой доход, частных торговцев, монахов и духовных служителей церквей и религиозных культов, служащих и агентов бывшей полиции, преступников и умалишенных[40]. *Тем самым права на участие в формировании нового состава* управляющих Россией лишались не только первые три бывших сословия, но и часть средних городских слоев. После долгих споров на съезде право избирать и быть избранными получили служащие и интеллигенция. Конституция зафиксировала победившее здравое понимание, что без знаний и опыта этих групп наладить управление и функционирование государственного аппарата невозможно. Программа правящей партии в 1919 г. подтвердила это понимание.

Ленин еще накануне вооруженного восстания определил те силы, которые возьмут управление в свои руки. Вместо 130 тыс. помещиков, в интересах бедных против богатых, будут управлять 240 тыс. большевиков, которые представляют собой государственный аппарат, составленный из преданных людей. Он писал о «чудесном средстве», способном сразу «одним ударом удесятерить наш государственный аппарат... Это чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством». Отмечал он и необходимость для аппарата иметь хороших организаторов банковского дела и производства, инженеров, техников, агрономов, научно-образованных специалистов «разного рода»[41]. Таким образом, в начальный период своей власти большевики основную ставку в управлении государством делали на свои силы, на «чудесное средство», в котором они видели прежде всего рабочий класс, и на использование «буржуазных специалистов».

Как видим из табл. 2, почти половина (45%) московских служащих-большевиков на вопрос анкеты партийной переписи об основной профессии до 1917 г., ответили о своей принадлежности к рабочему классу. Есть основания предполагать, что часть этих людей достаточно давно вышла из означенной среды и только психологически ощущала себя рабочими. Среди них насчитывалась большая доля тех, кто имел солидный партийный стаж, иными словами, революционная деятельность служила для них основным занятием. Более того, выборочное обследование показало, что рабочих «от станка», которые влились в состав партийных служащих после революции непосредственно с предприятий, насчитывалось немногим более 10%.

Тем не менее выходцы из рабочего класса составляли мощную прослойку в правящей партии среди тех, кто реально участвовал в формировании состава новых управляющих страны. Меньше всех они были представлены среди интеллигентных специалистов

учреждений (6-я группа), каждый пятый из них работал в органах безопасности и правопорядка, среди партийных чекистов и милиционеров они безраздельно доминировали (почти 65%). Каждый второй из них занимал ответственные должности, на которых они значительно превосходили представительство прочих социальных слоев в руководстве первичными партийными и профсоюзными ячейками, среди инструкторов (56,8%), в группе руководителей предприятий, заведений и хозяйственных служб (55,1%), а также в 4-й группе ответственных исполнителей в лице уполномоченных, администраторов, инспекторов (42,9%).

Среди руководителей высшего звена власти и управления выходцы из дореволюционных рабочих занимали внушительные позиции (31,6% среди 1-й группы и 26,4% среди 2-й), но значительно уступали тем, кто до революции работал преподавателем высших, средних и школьных учебных заведений, научным сотрудником, литератором, журналистом, инженером, агрономом, врачом, являлся лицом «свободной профессии», специалистом государственно-административной службы и т.д.

Отметим, что в разряд «прочих» рассматриваемой таблицы, т.е. лиц без определенных занятий до революции, безработных, не ответивших на вопрос анкеты, входило немало тех, кто происходил из семей дворян и владельцев капиталов, из священников, кадровых офицеров и прочих. Хотя и среди интеллигенции и бывших служащих также имелись таковые. Всего удельный вес московских служащих-большевиков, происходивших из этих слоев, составил 5%, из которых 21,6% являлись ответственными работниками 4-й группы, 17,6 из них были представлены во 2-й высшей группе руководителей, 11,6% — в 6-й группе интеллигентных специалистов учреждений и почти 10% в высшей группе руководителей партии и государства. Видимо, это была наиболее подготовленная к управленческой работе категория служащих.

Влияние средних городских слоев населения на процесс формирования кадров власти и управления Советской России практически не изучен. Вместе с тем это влияние, хотя и небольшое, имело место, о чем говорят данные таблицы. Крестьяне на этот процесс в городе практически не оказали какого-либо влияния, хотя это утверждение не совсем корректно. Каждый третий московский служащий-большевик на момент проведения переписи происходил из крестьянской семьи. Среди ответственных работников всех пяти групп таковым оказался каждый четвертый. Крестьянская сметливость, психология, черты образа жизни так или иначе были представлены в высших эшелонах власти и управления страной.

Несмотря на солидный приоритет выходцев из рабочей среды в составе служащих-большевиков столицы, а также участие в становлении властно-управленческой системы государства других трудящихся и неимущих слоев населения, ставка на «чудесное средство», коему надлежало удесятерить силы государственного

аппарата, оказалась не столь успешной, как ожидалось. Это вынужден был признать Ленин: уже в середине 1918 г. он не без удивления отмечал робость и нежелание масс взять работу по управлению страной в свои руки[42]. Через три месяца после этого он сетовал: «У нас самый острый недостаток — отсутствие работников, а мы не умеем их взять из рядовых рабочих и крестьян, среди которых таится масса талантов...»[43]

На IX съезде в 1920 г., большевики учли критику своего лидера и отработали механизм выдвижения на управленческую работу представителей первичных коллективов. В обязанность партячеек вменялось один раз в месяц или два передавать в парткомы, — а те в свою очередь в райкомы, губкомы и, наконец, в ЦК партии, — списки, содержавшие 5—10% членов коллектива с указанием их прошлой деятельности и тех работ, «на которые данный коллектив считал бы полезным поставить товарищей». Члены коллектива за свою рекомендацию должны были нести ответственность. Беспартийные рабочие или другие трудящиеся получали шанс на выдвижение, на карьеру через участие в беспартийных конференциях, состав которых подлежал изучению специально направленными партийцами «с целью выделить там подходящих советских работников, которые могли бы быть поставлены на соответствующую работу»[44].

Тем не менее в последний период своей жизни Ленин исчерпал всякие надежды на то, что выдвиженчество способно решить управленческие задачи. На X съезде партии в 1921 г., он вынужден был признать: «Мы изнемогаем от недостатка сил, малейшую помощь сколь-нибудь дельного человека, — а из рабочих втройне, — мы берем обеими руками. Но у нас таковых нет»[45]. На II съезде горнозаводских рабочих он высказался еще более конкретно: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки... Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только...»[46]

Массовые источники подтверждают эту оценку. Перепись служащих Москвы 1918 г. показала, что в центральном государственном аппарате оказалось лишь 6,2% служащих, пришедших с фабрик и заводов, и почти на 60% этот аппарат состоял из бывших до революции служащих. При этом среди всего состава этих учреждений 14,2% приходилось на долю служащих-большевиков[47]. Перепись служащих Москвы, проведенная в октябре 1922 г., показывает, что состав кадров народных комиссариатов лишь на 3% состоял из выдвиженцев с предприятий. В литературе отмечалось, что эти данные не полностью отражают реальный вклад рабочего класса в формирование центральных органов управления[48], но, как представляется, не надо его и преувеличивать. По всей видимости, на уровне среднего ведомственного, городского и местного управления этот вклад был значительнее, но на процесс формирования высшего управляющего состава страны он не оказал существенного влияния.

Новая экономическая политика вызвала следующую после 1918 г. волну массового прихода бывших до революции служащих в органы управления государством, в центральных учреждениях которого к ним относились на 1922 г. не менее половины от всего состава служащих. Большевистские силы этих учреждений располагали 4,2% низших категорий служащих, 5,1% специалистами и 13,2% ответственными работниками[49].

Вектор заявлений Ленина относительно «выдвиженчества» — представительства партийных сил в системе управления — заключался в том, чтобы поменьше командовать, перенимать опыт, профессиональные навыки специалистов, скромно направлять их работу. Но многие факты реальной чиновничьей жизни говорили об обратном. Так, в ходе обсуждения предложенного известными специалистами плана ГОЭЛРО его возмутил поверхностный подход партийной прессы и советских сановников к решению конкретных проблем. Это показало «неумение работать, господство интеллигентского и бюрократического самомнения над настоящим делом», обнаружив в целом «самомнение невежества»[50]. На XI съезде РКП(б) в 1922 г. он говорил, что нэп дает возможность построить социалистическую экономику, дело «только в культурных силах пролетариата и его авангарда»[51]. Субъективный фактор оправдал надежды в ходе революционных и военных действий, но оказался не готовым к созидательной работе, иначе говоря, тормоз общественного развития находился не где-нибудь, а в самих людях, которые были поставлены во главе этого развития.

В своих последних статьях и письмах Ленин проявлял еще большую определенность, отмечая отсутствие «сколько-нибудь значительного количества элементов для построения действительно нового аппарата», для чего необходима «именно культура, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению с другими государствами»[52].

Мнение Ленина не было услышано. После его смерти выдвиженчество, «орабочивание» государственного аппарата развернулось в невиданных до этого масштабах. Среди выдвиженцев встречались талантливые люди (директор АМО И.А. Лихачев, директор завода «Красный путиловец» В.Ф. Грачев и другие). Однако в большинстве случаев, как отмечал в 1928 г. нарком РКИ Г.К. Орджоникидзе, «...отрываем рабочего от завода, бросаем в аппарат, а он не находит, где приткнуться, не знает, что делать, и встречает враждебную атмосферу, получается, в конце концов, не выдвижение, а задвижение»[53].

Выдвиженчество не только не решало поставленных задач в налаживании управления, борьбы с бюрократизмом, но и усугубляло управленческие проблемы, вносило неразбериху, отвлекало большие массы людей от работы, которой они занимались. С этим явлением было покончено в марте 1931 г. решением Политбюро. Многие из тех, кто был направлен на советскую работу, с большим душевным облегчением возвращались на производство, на свои

рабочие места[54]. В последующем представители рабочего класса пополняли ряды управленцев, функционеров и специалистов, но уже не прямо, а через обучение в средних, специализированных и высших учебных заведениях страны, т.е. через пополнение рядов *интеллигенции*.

Об уровне культуры, элементов знания, просвещения нового управляющего слоя России на начало 1922 г., дают представление материалы естественной выборки партийной переписи среди служащих-большевиков. Данные, представленные в таблице 3, отражают образовательный уровень людей, которые волею судьбы, для многих совершенно неожиданно, вошли в состав тех, кто властвовал и управлял огромной страной и миллионами ее жителей.

Очевидно, что уровень образования человека является индикатором элементов культуры этого человека, отражает уровень его общего и специального познания человеческого опыта, его способность к самостоятельному мышлению и созидательным действиям. Соответственно, уровень образования групп людей, объединенных профессионально или поставленными целями и задачами, является определенным критерием в понимании коллективного интеллекта и способности этих групп людей добиваться поставленных целей наиболее разумными способами.

Отметим, что *общественное мнение о прошлом* и о его видных представителях подвержено резким колебаниям в зависимости от условий, в которых формируется это мнение. Так, миф о том, что революция выдвинула на руководящие посты самых образованных людей, сменился другой крайностью, утверждающей, что «недоучившиеся студенты пытались командовать судьбами гигантских стран и целых континентов»[55]. Таких попыток действительно встречалось немало. Однако и современный опыт России показывает, что в истории существуют периоды, когда в управляющей среде общества коллективный интеллект и здравый смысл, благодаря интеллектуальной мощи и моральному авторитету ее ярких представителей, доминирует среди невежества, романтических представлений и авантюр. Бывают времена, когда он, коллективный разум, бессилен противостоять им по ряду причин, в том числе и в силу отсутствия таких лидеров. Как писал Бердяев, в первые годы после революции советский строй еще не был тоталитарным. Он это объяснял тем, что в Кремле тогда находились представители старой русской интеллигенции, среди которых он называл Каменева, Луначарского, Бухарина, Рязанова.

Вместе с тем данные таблицы показывают: практически каждый второй представитель формирующегося управляющего слоя России на тот период времени имел низший уровень образования. Более того, 5% из этого слоя служащих при заполнении анкеты переписи выразили желание обучаться грамоте, получить начальное образование. Среди них чекистов и милиционеров было 13,2%, администраторов инспекторов, уполномоченных, дипкурьеров — 6,2%, хозяйственных и торговых служащих — 4,4%, директоров

Таблица 3

Образовательный уровень служащих-большевиков Москвы

Род занятий в 1922 году	Начальное	Среднее	Средне-специальное	Неполное высшее	Высшее	
1. Руководители государства, партии, наркомы, члены президиумов, коллегий	33,3	18,5	7,4	14,8	25,8	100
2. Начальники управлений, председатели, члены правлений и комитетов, *завотделами*	40,2	16,7	10,6	18,2	14,4	100
3. Директоры предприятий, заведующие заведениями, хозяйственными службами	56,5	13,7	8,9	9,5	11,3	100
Итого руководители (1, 2, 3)	45,9	15,7	9,2	13,6	15,5	100
4. Уполномоченные, ответственные администраторы, инспекторы	60,0	15,4	9,7	9,7	5,1	100
5. Председатели и члены месткомов, партийных ячеек, инструкторы	51,3	18,4	10,5	13,2	6,6	100
Итого ответственные исполнители (4, 5)	57,4	16,3	10,0	10,8	5,6	100
Всего ответственные работники (1–5)	50,5	16,0	9,5	12,5	11,6	100
6. Творческая интеллигенция, инженерно-технические работники, врачи	47,5	8,5	16,9	13,6	13,6	100
7. Учетно-контрольный и делопроизводственный персонал	53,1	15,6	9,4	10,4	11,4	100
8. Хозяйственный и торговый персонал	62,8	12,8	9,6	7,4	7,4	100
Итого специалисты (6, 7, 8)	55,4	12,9	11,2	10,0	10,4	100
9. Обслуживающий персонал, рабочие	65,5	13,8	6,9	10,2	3,4	100
10. Чекисты, милиционеры	58,3	12,0	9,4	12,5	7,8	100
Всего специалисты и персонал (6–10)	57,7	12,6	10,0	11,0	8,6	100
Всего служащие	53,7	14,5	9,7	11,8	10,3	100

предприятий, заведующих отдельными заведениями, хозяйственными службами — 3,6%.

Две трети состава партийных служащих выразили желание продолжать свое обучение. Среди высшего слоя руководителей (1-я группа) 9,6% хотели получить среднее и средне-специальное образование, 15,4% — высшее гуманитарное, 5,8% — высшее естественное, 7,7% — высшее коммерческое или техническое образование. Эти факты говорят об осознании многими недостатков своих знаний, об элементах критического отношения самим к себе людей, взошедших на вершины власти.

При распределении большевистских кадров фактор образования имел свое значение. Очевидна, хотя и неярко выраженная, тенденция понижения уровня начального образования по мере повышения уровня сложности выполняемых обязанностей служащими, который находит свой самый низкий показатель среди второй группы политических руководителей (40,2% служащих с начальным образованием) и особенно в первой группе высших руководителей, где каждый третий имел такой уровень образования. Соответственно, налицо обратная тенденция по показателям высшего образования, которое достигает наибольшего уровня в высших группах руководителей: 14,4% — во второй группе и 25,8% — в первой группе.

Среди служащих-большевиков было немало тех, кто имел неполное высшее образование, распределение которых отражают приведенные данные в таблице. Достаточно серьезная прослойка служащих обладала средним и среднеспециальным образованием. Учитывая тот факт, что средний возраст всех служащих составлял не менее 30 лет, а среди ответственных руководителей он был выше (34 года), то уверенно можно предположить, что свое образование эти люди получили до революции. О добротности его говорит тот факт, что средние учебные заведения в дореволюционной России располагали мощным преподавательским составом и отработанной методикой преподавания. Классические гимназии развивали ум, способности детей и юношей с упором на культ античной цивилизации, штудировании древних языков. Реальные училища, которых по мере развития капиталистических отношений в стране становилось все больше, специализировались на преподавании естественных и точных наук, носили прикладной характер[56].

В условиях огромных жертв войн, унесших немало представителей грамотных слоев населения, а также массовой эмиграции образованных людей, на фоне чрезвычайно низкого уровня образования подавляющей массы людей после революционных событий, определенным показателем которого являлась сама правящая партия (где на момент переписи состояло 0,6% членов партии с высшим образованием, со средним — 6,3%, начальным — 88% и неграмотных — 4,7%)[57], уровень образования московских служащих-большевиков был на порядок выше.

В формирующемся составе управляющих России образованные люди встречались, но находились в явном меньшинстве. Выше приводились данные о том, что большевики направили значительные силы на повышение образования людей. Ленин в своем предпоследнем публичном выступлении на IV Конгрессе Коминтерна высказал как опасение, что сотни тысяч молодых людей учатся, но «может быть слишком быстро», так и надежду, что «если мы будем работать не слишком торопливо, то через несколько лет у нас будет масса молодых людей, способных в корне изменить наш аппарат»[58]. Отметим, что партперепись показала: почти каждый третий московский большевик находился в возрасте от 20 до 24 лет.

Бердяев отмечал огромный интерес жителей Москвы к знаниям в это время. Он вспоминал одну из своих лекций на тему «Наука и религия» в огромном зале Политехнического музея, где собралась огромная аудитория в основном из рабочих, красногвардейцев и коммунистов. После лекции публика просила открыть прения, на что он был вынужден заявить, что «лекция разрешена без прений», но стоявший за его спиной человек вдруг выступил и сказал: «От всероссийской чрезвычайной комиссии объявляю прения открытыми»... Когда Бердяев возвращался домой на Арбат, его сопровождала, продолжая дискутировать, целая группа слушателей. «У многочисленных слушателей советской России того времени я находил более напряженный интерес к вопросам философским и вопросам религиозным, чем впоследствии у молодежи русской эмиграции. Я чувствовал, — заключал он, — необъятность России, огромность стихии»[59].

Далеко не случайным является изменение мнения Ленина о «буржуазных специалистах». Возвращаясь к данным таблицы 2, можно увидеть, что на начало нэпа слой ответственных работников довольно мощно был представлен бывшими служащими государственно-административного аппарата дореволюционной России. Руководители и высшие специалисты (1-я, 2-я и 6-я группа) в большинстве своем (57%, 45,7%, и 60%) явились выходцами из интеллигентных слоев, среди которых немалая часть также происходила из тех, кто работал в системе образования, здравоохранения, науки, литературы и т.д.

Более того, процесс формирования нового управляющего слоя России развивался не только в рамках правящей партии. Выше приводились данные о подавляющем преимуществе в составе центральных государственных органах управления бывших до революции служащих. По различным данным, в Москве в 1922 г. во всех сферах и на всех уровнях власти, управления и функционирования учреждений, организаций, предприятий работало примерно 250 тыс. служащих[60], которые в основной своей массе являлись бывшими до революции служащими. Служащие-большевики среди них составляли лишь 5%.

Данные переписи служащих Москвы, которая прошла в октябре 1922 г., показала, что удельный вес ответственных руководите-

лей — членов партии в народных комиссариатах составлял немногим более 13% от всех руководящих работников (из 10 661 руководителя лишь 1500 руководителей-большевиков)[61]. Материалы профессионально-демографической переписи 1920 г. выявили среди всех служащих столицы около 20 тыс. служащих высших разрядов[62], включая в подавляющем числе ответственных работников. Об абсолютной точности данных не приходиться говорить, но сравнивая итоги партийной переписи с этими данными, можно с достаточно большой долей вероятности утверждать, что на всех уровнях, вплоть до отдельных учреждений, из каждых четырех ответственных руководителей разного ранга лишь один являлся членом партии. Беспартийные, в основном бывшие служащие, такие как уже упоминавшийся инженер Ольденборгер, встречались в большинстве среди ответственных работников управленческих структур, хотя и в стороне от структур властных.

Вместе с тем процесс постепенного вытеснения «бывших» с ответственных постов происходил. Исследования В.З. Дробижева и Е.И. Пивовара переписей служащих народных комиссариатов 1918 и 1922 гг. показали, что в первый год власти большевиков 34,4% членов партии занимали в наркоматах ответственные посты, 32,2% выполняли учетно-контрольную, делопроизводственную работу, остальные — охранную и обслуживающую функции[63]. В октябре 1922 г. данное распределение значительно изменилось. Ответственные партийные работники составили почти 69% от партсостава наркоматов, специалисты, канцелярские и хозяйственные работники — 17,9%, обслуживающий персонал — 13,4%[64]. Эти данные принципиально совпадают с данными авторского выборочного обследования служащих-большевиков Москвы по материалам партпереписи 1922 г. Среди большевиков в наркоматах 75,5% являлись ответственными работниками, 18,8% — специалистами, канцелярскими и хозяйственными работниками, 5,7% — работниками обслуживающего персонала.

Таким образом, данные переписей отразили тенденцию к значительному увеличению ответственных партработников и пропорциональному уменьшению слоя специалистов и обслуживающего персонала среди служащих-большевиков за первые пять лет Советской власти. Очевидно, что этот процесс происходил на всех уровнях управления и функционирования государства. Очевидно и то, что большевики назначались на ответственные посты в основном за счет отстранения от этих должностей беспартийных руководителей, дореволюционных специалистов.

Смещение инженера Ольденборгера с поста заведующего службой московского водопровода потенциально и в контексте реальных исторических событий 20-х годов XX века было предопределено. Однако это еще не говорит о том, что его знания и опыт работы не оказались бы востребованы в силу того, что в начале нэпа в высших государственных и партийных кругах доминировала точка зрения о привлечении к делу хозяйственного строительства

специалистов науки и техники, имеющих опыт и знания в области торговли, в организации крупных предприятий и других отраслях. Более того, говорилось о необходимости использования на самых ответственных постах специалистов «буржуазной школы»[65].

Ленин проявлял нетерпимость к тем, кто представлял хоть какую-либо угрозу власти большевиков, о чем свидетельствовала высылка за границу специалистов-гуманитариев в 1922 г. Но в первые годы власти большевиков отношение к специалистам из «бывших» было иным, чем в последующие годы перехода к упрочению режима личной диктатуры в стране Советов. К концу своей жизни Ленин говорил уже о необходимости беречь «как зеницу ока... всякого спеца, работающего добросовестно, со знанием своего дела и любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно»[66].

«Шахтинское дело» 1928 г. положило начало репрессиям против инженерно-технических работников, открыло серию других «дел», которые вынесли приговор временам «буржуазных специалистов». Последующий террор против специалистов, сформировавшихся на начальном этапе Советской власти, значительно снизил уровень элементов культуры, знаний и коллективного интеллекта, что значительно ослабило человеческий потенциал для нормального, поступательного развития страны.

Состав руководящего слоя России к началу новой экономической политики формировался в определенной мере из привлекаемых сил выдвиженцев, разного рода специалистов, но главным образом это происходило внутри правящей партии. На примере московских служащих-большевиков материалы партийной переписи дают возможность проследить вертикальное движение кадров вверх и вниз по служебной лестнице. Приводим некоторые из этих данных.

Среди тех, кто на первом месте своей работы после Октября 1917 г. входил в группу интеллигенции (6-я группа), 56,2% стали ответственными работниками в 1922 г. Причем 8,2% от общего их числа вошли в 1-ю высшую группу руководителей, 19,2% — во 2-ю, 17,8% — в 3-ю (директоры предприятий, заведующие отдельными заведениями, хозяйственными службами), 8,2% — в 4-ю (уполномоченные, инспекторы, ответственные администраторы), 2,7% — в 5-ю группу ответственных работников (председатели и члены месткомов, секретари ячеек партии, инструкторы). Каждый второй делопроизводитель, работник канцелярий по своему первому роду занятий после Октябрьских событий на момент переписи также перешел в разряд ответственных работников (50,4%). В 1-й группе находились 0,8%, во 2-й — 8,8%, в 3-й — 9,6%, в 4-й — 24%, в 5-й — 7,2%. Аналогично складывалась карьера специалистов, которые на первом месте своей деятельности представляли собой хозяйственный и торговый персонал учреждений и организаций: 48,3% их состава дослужились до ответственных работников (1-я группа — 0%, 2-я — 10,3%, 3-я — 10,3%, 4-я — 17,2%, 5-я — 6,9%).

О высоком потенциале карьерного роста тех, кто в послереволюционное время вступил в партию, говорят данные о работниках обслуживающего персонала, т.е. тех, кто на первом месте после революции работал в учреждениях швейцаром, сторожем, дворником, курьером, поваром, кухаркой, судомойкой, официантом, машинистом, слесарем, кочегаром, плотником и т.д. Из этой категории низших служащих 45,9% в 1922 г. оказались ответственными работниками (1-я группа — 1%, 2-я — 2%, 3-я — 21,4%, 4-я — 12,2%, 5-я — 9,2%).

Принципиально картина распределения на ответственные должности вышеперечисленных групп не менялась и в последующем. Те, кто работал на втором и третьем месте своей деятельности после 1917 г. в качестве специалистов или обслуживающего персонала учреждений, в такой же пропорции входили в состав ответственных работников. Исключение составила интеллигентная 6-я группа специалистов, удельный вес которых среди служащих-большевиков 1922 г. достиг из второго места работы после революции 50, а из третьего — 40,9%.

Вместе с тем, данные выборочного обследования обнаружили, что членство в партии не давало стопроцентной гарантии успешной служебной карьеры в тот период. Деловые качества работника тогда также не являлись пустым звуком. Хотя и не с такой интенсивностью, происходил обратный процесс перехода из состава ответственных работников в разряд специалистов и прочих служащих.

Движение вверх по служебной лестнице отразил тот факт, что работавшие после Октября 1917 г. специалисты, работники обслуживающего персонала, чекисты, милиционеры, рабочие (6—10-я группы) и прочие социальные слои повысили свой служебный статус и составили 45,6% среди всех ответственных служащих 1922 г. Обратное движение характеризовалось тем, что удельный вес тех, кто на первом месте работы занимал ответственный пост, а к 1922 г. попал в разряд специалистов и прочих, снизился до 20,7%, т.е. каждый пятый служащий из группы ответственных работников перешел в разряд рядовых служащих. Причем, из руководителей первых трех групп, которые имели право принимать решения, уже никто не возвратился в разряд обслуживающего персонала учреждений, а от 4 до 8% выбывших ответственных работников распределялись в органы ВЧК и Наркомата внутренних дел — чаще всего в качестве рядовых работников.

Меньше всего испытывали резкое падение вниз по служебной лестнице высшие политические руководители (1-я группа), из которых к 1922 г. 7,9% перешли в разряд специалистов и прочих служащих. Из второй группы политических руководителей разочарование испытали уже 19,2%, из третьей — 23,8%. Самый большой урон (33,8%) в своих рядах понесли уполномоченные, инспекторы и ответственные администраторы, а на 18,6% понизили свой статус руководители месткомов, ячеек партии и инструкторы.

Материалы переписи выявили, что ответственные руководители (1, 2-й и 3-й группы) первой, послереволюционной, волны политических и хозяйственных лидеров, к 1922 г. испытали, кроме того, перевод части своего состава в разряд «ответственных исполнителей» (4 и 5-я группа). Высшие руководители (12,4%) первой волны пополнили к этому времени ряды уполномоченных, инспекторов и ответственных администраторов учреждений, а 3,4% — массы глав месткомов, ячеек партии и инструкторов. Среди второй группы политических деятелей эти распределения составили 16,3% и 5,8% соответственно; среди третьей группы хозяйственных лидеров — 22,2% и 4,8%.

Такие же тенденции резких и не столь резких вертикальных кадровых падений с некоторым их затуханием к началу 1922 г. прослеживаются и в составе второй, третьей и четвертой послереволюционной волны руководителей. Таким образом, нормальная с точки зрения государственных интересов практика подбора и расстановки относительно грамотных, компетентных кадров привела к накоплению среди московских служащих-большевиков (не менее одной трети состава) на рядовых или не столь ответственных должностях в органах управления и функционирования государства бывших ответственных руководителей партии.

Эти люди сделали головокружительную карьеру после революционных событий, ощутили власть над людьми, стояли рядом с теми, кто в начале нэпа держал кормило власти и управления страной. Эти люди, вряд ли утратившие честолюбивые интересы, оказались обижены судьбой и соратниками. В условиях централизованной кадрово-распределительной системы, определенной стабилизации в расстановке управленческих кадров в первый год нэпа они имели мало шансов вновь пробиться на вершины властно-управленческой системы. Изгои потенциально или реально становились в оппозицию к бывшим коллегам и могли надеяться только на такое развитие событий, которое могло бы встряхнуть существовавшее положение дел и тем самым повысить их шанс на улучшение жизненного положения. В эту группу надо причислить еще и тех, кого вывели из партии в результате грандиозной чистки 1921 г., — а среди них насчитывалось около семи тысяч тех, кто участвовал в революционных событиях Октября 1917 г. Уход из жизни Ленина, массовый «ленинский» призыв в партию, в короткое время изменивший в худшую сторону ее качественные характеристики, отстранение от рычагов власти, а затем и уничтожение значительной части тех, кто руководил государством в 1922 г., было, с большой долей вероятности, именно тем развитием событий, на которое надеялись бывшие ответственные партийные работники.

Так кто же реально руководил страной в первые годы после революции? Кого вынесли на гора́ властно-управленческой системы все рассмотренные вертикальные кадровые перемещения? Кто составил костяк формирующегося корпуса управляющих России

в начале общественных преобразований на основе новой экономической политики?

Ответ на этот вопрос по его сути дал Ленин, который в разгар братоубийственной схватки, писал: «Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы в России управляли эти месяцы, какие сотни, тысячи лиц несли на себе всю эту работу, несли на себе всю неимоверную тяжесть управления страной, — никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком количестве сил. Количество это ничтожно потому, что интеллигентные, образованные, способные политические руководители в России были в небольшом количестве. Этот слой в России был тонок и за истекшую борьбу надорвался, переработался, сделал больше, чем мог»[67] — это сказано в марте 1919 г. Впереди были еще два года ожесточенных боев, косивших лучшие силы России, в том числе и тех, кого Ленин называл интеллигентными, образованными, способными руководителями.

Пересчет цифр статистики, которые дал Струмилин при подведении итогов партийной переписи, дает нам такие сведения о потерях большевиков за период Гражданской войны[68]. Тех, кого Ленин готовил к управлению страной, на момент выхода из подполья в начале 1917 г. насчитывалось 23 600 человек. На момент переписи 1922 г. их оставалось не более 12 тыс., т.е. потери составили 50% тех, кого назовут «партийной гвардией» Ленина. Из 100 тыс. человек, вступивших в партию большевиков в период революционных событий 1917 г., к 1922 г. осталось 43 189 человек, или 43% от всех. Из 170 тыс., ставших членами партии в 1918 г., — осталось 86 501 человек (51%); из 247 тыс. вступивших в 1919 г. — 152 040 человек (61,6%); из 265 тыс. в 1920 г. — 201 293 (76%). Цифры говорят сами за себя. Около 250 тыс. погибших, умерших от ран и болезней большевиков за годы войны. Это были не только количественные, но и качественные потери.

Материалы выборочного обследования выявляют, что в 1922 г. руководящий состав большевиков претерпел значительные изменения по сравнению с начальным периодом революции. Среди высшего руководства (1-я группа) только 40,8% человек остались от первой волны; среди второй группы политических деятелей — 20,3%, а среди хозяйственных руководителей 3-й группы — только 10,9%. Эти цифры, по всей видимости, должны быть еще меньше, так как они учитывают кадровые изменения среди тех, кто к моменту переписи остался в живых в составе партии большевиков.

Так или иначе, первые послереволюционные годы стали временем восхождения и укрепления власти так называемой «партийной гвардии». По произведенным расчетам, в Москве на начало 1922 г. находились около 3 тыс. большевиков, которые заявили о себе в феврале 1917 г. Из них более 70% были ответственными работниками разного ранга. Причем, более 80% большевиков с партийным стажем до 1917 г. входили в высший состав руководителей (1-я группа); около 70% — в число руководителей второй высшей группы; 35% — в группу директоров предприятий, заведующих отдельными заведениями и глав хозяйственных служб; 36,5% сосредоточились в 4-й группе; около 20% в 5-й группе ответственных работников; около 50% числились среди специалистов высшей шестой группы. В других группах они были представлены в незначительном количестве.

Эти данные дают более точную расстановку сил этого слоя управленцев, хотя принципиально это было известно современникам. Так, Зиновьев на XI съезде отмечал, что в партии насчитывалось 2% тех, кто вошел в ее ряды до 1917 г., но на съезде они составили 44% делегатов с решающим голосом и 58% — с совещательным[69].

Эти люди среди молодых партийцев пользовались непререкаемым авторитетом. В глазах многих они выглядели героями, которые бросили вызов самодержавной власти и победили. Их мужество вызывало уважение. Среди материалов партийной переписи, например, была обнаружена анкета, которую заполнила профессиональная революционерка Мартыненко Мария Михайловна. Она писала: «Всю жизнь воевала за новый строй жизни, имею ранения на баррикадах 1905 г., потом еще 5 штук жандармских и 2 на Севкавказе, сражалась против белых, в тюрьме перебита спина и плюс костыли... Осиротела 11 лет. В процессе борьбы за новый мир потеряла здоровье, искалечена, убит белыми муж в 1920 г., будучи в тюрьме потеряла сына, убит брат»[70]. Ей исполнилось всего 38 лет; на следующий год она умерла от ран и болезней...

Многие из этих людей взошли на вершины власти и управления страной, но не все были готовы к рациональному распоряжению этой властью. В феврале 1922 г. Ленин писал Г.Я. Сокольникову: «Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это». Он предлагал по одному отыскивать компетентных людей и «шаг за шагом их опытом, их трудом чистить комговно, разгоняя добродетельных коммунистов из правлений»[71]. Эти мысли не давали ему покоя, и вскоре он заявлял уже публично: «У нас сплошь и рядом во главе учреждения ставится коммунист — человек заведомо добросовестный, испытанный в борьбе за коммунизм, человек, прошедший тюрьму, но такой, который торговать не умеет... Мы на практическую работу для исполнения насадили коммунистов со всеми их прекрасными качествами, но для этой работы совершенно не пригодных»[72]. Тех, кого Ленин называл интеллигентными, образованными, способными руководителями, в правящей партии насчитывалось немного, но в мире «коммунистического чванства», «самомнения невежества», отсутствия «элементов культуры» этот слой интеллектуально доминировал и определял вектор развития страны на начальном этапе после революции.

Процесс формирования управляющего состава новой России в первые годы власти большевиков разворачивался в условиях огромных потерь физических и интеллектуальных сил страны и самой «партии власти». Этот процесс характеризовался карьерным

взлетом и падением больших масс людей в ходе стихийной и целенаправленной селекционной работы по привлечению и распределению кадров. Этот процесс не был завершен, но на период начала новой экономической политики произошла его стабилизация, которая выявила приоритеты в кадровой политике. Эти приоритеты определялись повышенным вниманием к качественным характеристикам управленцев, значительным снижением прямого выдвиженчества на управленческую работу из рабочей среды, сосредоточением усилий на ускоренной подготовке молодых кадров, максимальным использованием знаний и опыта лояльных к большевистской власти дореволюционных специалистов, опорой на интеллектуальные, наиболее образованные и способные кадры в составе правящей партии. Результатом этого вектора кадровой политики стала успешно осуществленная денежная реформа, налаживание хозяйственной жизни страны и восстановление экономики, разработка и осуществление плана ГОЭЛРО.

Потеря качества большевистских рядов из-за огромных количественных вливаний в последующие годы, уничтожение ленинской партийной гвардии и ее интеллектуальной составляющей, террориада против «бывших», а затем и своих специалистов не только понизили интеллектуальный потенциал состава управленцев страны, но и свидетельствовали о смене политического курса.

[1] Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г. М., 1922 – 1924. Вып. 1 – 5.

[2] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 509 – 514.

[3] Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 17. Оп. 8. Д. 270. Л. 49.

[4] Там же. Д. 457. Л. 52.

[5] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 392.

[6] Всероссийская перепись... Вып. 3. С. 54 – 55; Вып. 4. С. 16.

[7] Кроме того, были обнаружены 1100 анкет московских большевиков, заполненных после проведения переписи в 1922, 1923, а иногда и в 1924 годах.

[8] Всероссийская перепись... Вып. 4. С. 23. Табл. 20.

[9] Там же. С. 25. Табл. 21.

[10] Там же.

[11] Данные сравнимы с оговоркой на неизвестность методики Струмилина по определению ответственных руководителей в генеральной совокупности.

[12] Данные пересчитаны по материалам сб.: «Всероссийская перепись членов РКП(б)». См.: Там же. С. 23, 25; Табл. 20 и 21.

[13] *Васяев В.И., Дробижев В.З., Закс Л.В., Пивовар Е.И.* Данные переписи служащих 1922 г. О составе кадров наркоматов РСФСР. М., 1972. С. 170 – 172.

[14] *Данисенко М.* // Родина. 1990. № 10.

[15] *Бердяев И.А.* Самопознание. Л., 1991. С. 220, 226.

[16] *Данисенко М.* Указ. соч.

[17] *Бердяев И.А.* Указ. соч. С. 221.

[18] Материалы переписи 1920 года активно использовались при разработке Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. См.: Всероссийская перепись... Вып. 4. С. 2. Табл. 1; С. 5. Табл. 4; С. 17, 19. Табл. 18.

[19] *Стариков Е.* Маргиналы // Знамя. 1989. № 10. С. 135.

[20] Показательна реакция Ленина на проект Наркомздрава о проведении недели оздоровления жилищ и выделении для этого двух миллиардов рублей. Он писал в октябре 1921 г. наркому Н.А. Семашко о том, что «миллиарды возьмут, раскрадут и расхитят, а дела не сделают», что в Москве надо добиться для начала сносной чистоты, «ибо большего безобразия, чем "советская" грязь в "первых" советских домах, и представить себе нельзя. Что же не в первых домах?» Он требовал отчета о том, тратят ли деньги на покупку необходимых вещей «или на содержание новых "чиновных" бездельников». См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 53. С. 300 – 301.

[21] Положение усугублялось голодом 1921 – 1922 годов. «Правда» и другие газеты практически из номера в номер писали о панике, охватившей голодающее население Поволжья, о потоке беженцев из голодных районов, о скоплении тысяч людей, детей на вокзалах Москвы, о сотнях ходоков, которые ходили по домам и учреждениям с мольбой о спасении тех, кто остался в голодных районах, о фактах пожертвования москвичей в пользу голодающих о создании большого количества приютов, и детских домов.

Несмотря на весь ужас положения, в первый год нэпа Москва стала возрождаться. Распределялись земли москвичам под сады и огороды. В сентябре 1921 г. была разрешена торговля на Трубной площади. Устанавливались телефоны у частных лиц. Велись мелиоративные работы по осушению болот на окраине Москвы по Курской железной дороге. Создавались ударные бригады из заключенных тюрем по ремонту канализации, водопровода, электроосвещения на условиях премиальной системы оплаты труда. 19 августа 1921 г. было вновь открыто трамвайное движение, а во второй половине 1922 г. население столицы и всей страны стало получать нормальное питание благодаря богатому урожаю, собранному в 1922 г.

[22] Всероссийская перепись... Вып. 4. С. 3.

[23] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 112.

[24] Всероссийская перепись... С. 11. Табл. 11.

[25] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 367 – 368.

[26] Там же. Т. 39. С. 52 – 53.

[27] Всероссийская перепись... С. 11.

[28] Там же. С. 11. Табл. 10; С. 39.

[29] Там же.

[30] Финансовое оздоровление экономики: опыт нэпа // Московский рабочий. 1990. С. 300 – 301.

[31] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 36. С. 172; Т. 42. С. 347.

[32] Всероссийская перепись... С. 39.

[33] Для вступления в кандидаты от крестьян теперь требовались рекомендации трех членов партии с трехлетним стажем (раньше достаточно было двух членов с 6-месячным стажем). Для того чтобы стать членом партии, требовался годичный, вместо двухмесячного, кандидатский стаж, прохождение школы политграмоты, повторение такого же количества, с таким же стажем, рекомендаций. Условия приема в кандидаты и члены партии с августа 1922 г. для служащих были самыми жесткими. Требовалось пять рекомендаций членов с пятилетним стажем и двухгодичный кандидатский стаж. См.: Всероссийская перепись... С. 39.

[34] Всероссийская перепись... С. 12. Табл. 12.

[35] Определение категории служащих произведено на основе «Классификации должностей, принятой при разработке переписи служащих г. Москвы 1922 г.» См.: *Васяев В.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 170 – 172. Категория руководителей на основе позиций 1 – 4 классификации, «ответственных исполнителей» – позиции 5 – 7, «специалистов» – 8 – 31, 39 – 57, наконец, персонал, охрана – 58 – 94, 32 – 38.

[36] Всероссийская перепись... С. 16, 23.

[37] Свод основных государственных законов. 1892 г. Цит. по: Сборник документов и материалов по курсу политическая история XX века. М., 1991. Вып. 1. С. 27 – 31.

[38] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1990. С. 95 – 97.

[39] Цит. по: *Ирошников М.П.* Рожденное Октябрем. Очерки истории становления Советского государства. Л., 1987. С. 71.

[40] Конституция РСФСР. 1918. Гл. 13.

[41] Ленин *В.И.* ПСС. Т. 34. С. 312 – 313.

[42] Там же. Т. 37. С. 20.

[43] Там же. Т. 40. С. 78.

[44] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983 г. Т. 2. С. 261 – 262.

[45] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 43. С. 48.

[46] Там же. Т. 42. С. 253 – 254.

[47] *Ирошников М.П.* Указ. соч. С. 109; *Дробижев В.З., Пивовар Е.И.* Коммунисты в центральных органах управления РСФСР // Вопросы истории КПСС. 1985. № 4. С. 108 – 109.

[48] *Васяев В.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 148. *Пивовар Е.И.* Передовые рабочие в составе кадров центральных органов управления // Проблемы методологии, историографии, источниковедения советского рабочего класса, его лучших представителей. М., 1986. С. 40, 42.

[49] *Васяев В.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 59, 89, 122, 150, 152.

[50] *Ленин В.И.* Там же. Т. 42. С. 343.

[51] Там же. Т. 45. С. 60 – 61.

[52] Там же. Т. 45. С. 389 – 391.

[53] *Гимпельсон Е.Г.* Новая экономическая политика Ленина – Сталина. Проблемы и уроки (20-годы XX века). М., 2004 г. С. 194 – 196.

[54] Там же. С. 200.

[55] *Емельянов Ю.В.* Заметки о Бухарине. М., 1989. С. 165.

[56] *Розанов В.В.* Сумерки просвещения. М., 1990. С. 242.

[57] Всероссийская перепись... С. 28 – 29.

[58] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 290 – 291.

[59] *Бердяев Н.А.* Указ. соч. С. 231 – 232.

[60] Всероссийская перепись... С. 19. Табл. 18. *Ленин В.И.* ПСС. Т. 45. С. 112.

[61] *Васяев В.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 20, 64.

[62] Всероссийская перепись... С. 19. Табл. 18.

[63] *Дробижев В.З., Пивовар Е.И.* Указ. соч. С. 108 – 109.

[64] Пересчитано по данным в кн.: *Васяев В.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 64, 92, 126.

[65] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 258; *Ленин В.И.* Указ. соч. Т. 44. С. 337.

[66] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 44. С. 351.

[67] Там же. Т. 38. С. 145.

[68] Всероссийская перепись... С. 31, 32.

[69] XI съезд РКП(б). Бюллетень № 6. М., 1922. С. 26.

[70] РГАСПИ. Ф.17. Оп.8. Д. 547. Л. 96.

[71] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 54. С. 180.

[72] Там же. Т. 45. С. 13 – 15.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

А.Г. Мельник

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ РОСТОВСКИХ СВЯТЫХ В XII – XVII веках

Почитание святых представляло собой характернейшее явление русской истории XI – XVII вв.[1] Несомненно, оно занимало одно из самых высоких мест в иерархии ценностей данной эпохи. Однако роль такого почитания в социальной истории России крайне слабо изучена. Вместе с тем еще в 1930 г. Н.М. Никольский высказал плодотворную мысль: святые в Древней Руси были наделены определенными функциями. В частности, святые считались небесными покровителями городов, к местному святому обращались за помощью во время войны[2]. По существу, это социальные функции. Иначе говоря, в представлении людей русского Средневековья святой в своем посмертном бытии являлся не столько неким пассивным объектом поклонения, сколько активным субъектом реальной действительности, призванным приносить вполне ощутимую пользу отдельным своим приверженцам и сообществу в целом. Люди того времени верили, что именно посредством усопших подвижников благочестия Бог выполняет большинство человеческих чаяний. Многие мысли и поступки людей тогда определялись верой в могущество святых. Поэтому столь важно для понимания упомянутой эпохи знать, каким был состав функций святых, как он менялся во времени.

В современной отечественной науке вопрос о функциях святых лишь вскользь затрагивался[3]. Пожалуй, только Ю.М. Парамонова уделила специальное внимание социальным функциям святых Бориса и Глеба на начальной стадии их почитания[4]. Но надо иметь в виду, что почитание святых – это исторический феномен «большой длительности». Поэтому только на протяжении достаточно длительного хронологического периода можно рассмотреть долговременные изменения и тенденции в таком почитании и, в частности, в эволюции функций святых. Необходимо оговориться: с современной рациональной точки зрения, функции были присущи не самим святым, а связанным с ними культам. Но в представлении людей прошлого именно святые должны были осуществлять